

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

VI международная научная конференция

Москва, 19–21 ноября 2009 г.

Доклады и материалы

Круглый стол

**ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА И СОДЕРЖАНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Выпуск 1

Издательство Московского гуманитарного университета

2009

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 09–06–14159Г)

В93 Высшее образование для XXI века: VI международная научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2009 г. : Доклады и материалы. Круглый стол. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. Выпуск 1 / отв. ред. П.С. Гуревич. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 100 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленных участниками VI международной научной конференции «Высшее образование для XXI века».

Ответственный редактор:

*доктор философских наук, доктор филологических наук,
профессор П.С. Гуревич*

© Авторы докладов, 2009.
© МосГУ, 2009.

Основные проблемы личностного роста

*П. С. Гуревич (Московский гуманитарный университет) **

Main problems of personal growth

P. S. Gurevich (Moscow University of the Humanities)

Аннотация: В статье анализируется проблема создания характерологии как важной темы образования, философии и психологии. Отмечаются различные подходы к данному вопросу, проводится различие между характером и типом. Проводится мысль о необходимости учета индивидуальных особенностей человека в процессе обучения и образования.

Ключевые слова: философия, психология, человек, личность, характер, тип, воспитание, индивид, психическая жизнь, личностный рост.

Abstract: The problem of creating a characterology as an important theme in education, philosophy and psychology is analysed. Different approaches to this issue are presented, a distinction between character and type is drawn. The idea about the necessity of taking into consideration individual specific features of a person in the process of training and education is expressed.

Key words: philosophy, psychology, man, personality, character, type, education, individual, mental life, personal growth.

Эпоха рождает людей. Люди дорисовывают образ времени. Перекраивают его. История из глубины веков тянет свою путеводную нить. Вглядываясь в эпоху, мы можем приблизить к себе человека и постараться понять его... Размышляя о личности, мы способны угадать смысл протекшего, войти в мир истории. Каков век, таковы в целом мысли и чувства. Мы разгадываем время по берестяным скитаниям, по архитектурным сооружениям, по бытовой утвари, по очертаниям машин.

Но вот порою мы рассматриваем лица тех, кто уже давно прошел по Земле. И нас поражает парадоксальное несходство людей. В эпоху Возрождения сложилась мода на живописный портрет. Но вместе с тем складывался культ различия. Потрясает не только неподобие людей. Рождается удивление: что же такое происходило с человечеством в те времена? Ведь люди Возрождения выглядят как нездешние, и суть не только в отсутствующих бровях. Художник Ван Дейк писал мадонн. У них всегда

* Гуревич Павел Семёнович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий Лабораторией личностного роста Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 331– 23–38. Эл. адрес: gurevich@rambler.ru

был высокий лоб, безбровое лицо, узкие длинные глаза в обрамлении тонких полос голых бесресничных век. И небесная бесстрастность прозрачного взгляда. Неужели исчезнувший антропологический эскиз?

Люди давно обратили внимание на многоликость человеческого. Сократ и Дон-Кихот, Фальстаф и Мария Тереза, Санчо Панса и маркиз де Сад, Александр Македонский и Гарун, который «бежал быстрее лани», Марк Аврелий и Дантес. Философы и историки искали в людях черты подобия и различия. Индивид предстает перед нами таким, как он выражает себя, как он двигается, как он любит и ревнует, каков его образ жизни, каковы его потребности, стремления и цели, каковы его идеалы и как он их формирует, какие ценности движут им, что и как он делает, осуществляет, творит.

Но прежде чем классифицировать людей по каким-то отличиям, мы опираемся на живое восприятие, на то, что нас поражает в другом человеке как необычная черта, как поразительное качество этой личности. Сначала есть основания говорить о несхожести людей. Мы постоянно держим в своем воображении поэтические образы («он весь как божия гроза» (Пушкин), «он человек был в полном смысле слова» (Шекспир)), судьбы исторических личностей, чьи биографии нам известны («Он в Риме был бы Брут»), воспоминания о людях, которые встретились на нашем жизненном пути. Без этого живого конкретного материала всякая характерология была бы неполной и не впечатляющей. Настасья Филипповна спрашивает князя Мышкина: «Что во мне такого остолбняющего?» С этого потрясения начинается у героя Достоевского понимание личности Настасьи Филипповны.

Разность человеческого поведения давно стала заметна людям. В одной и той же ситуации каждый нередко ведет себя совсем не так, как другие. Вот неожиданно случился пожар. Кое-кто впал в панику, судорожно мечется около пламени, даже норовит броситься прямо в огонь. А эти люди впали в ступор. Стоят будто зачарованные, не могут пошевелиться, кажется, вообще не понимают, что происходит. Про них говорят: ни жив, ни мертв. Эксперты разьясняют: эффект мортификации (психического онемения) (см.: Гуревич, 2007).

Не только в чрезвычайной ситуации, но и в повседневной жизни люди ведут себя непредсказуемо. Пушкин, к примеру, пишет о Татьяне Лариной, которая в финале его романа встречает Онегина и у них опять вспыхивает любовь. Но поэт пишет в письме другу: «Представьте себе, моя Татьяна отказала Онегину...» Что за причуда? Разве не сам Пушкин придумал эту женщину? Почему она ведет себя вопреки поэтическому замыслу? Что заставило поэта придумать другой, более психологически законный финал романа?

А эта пара клялась друг другу в вечной любви, но через полгода они стали заклятыми врагами. Странно, или, наоборот, так и должно быть. Тем более по-иному ведут себя люди в разных эпохах. Трудно представить себе женщин эпохи Возрождения, которые, собравшись на площадь, пересказывали бы друг другу, какие сексуальные переживания были у них накануне ночью. Драматург Виктор Розов замечает: невозможно представить себе Ярославну (из «Слова о полку Игореве»), которая бежит в плавках по берегу моря. То, что было запретным, стало доступным. Видео сбросило покров интимности с отношений между мужчиной и женщиной. Любовную шалость президента, который увлекся стажеркой, обсуждала вся планета. Речь идет вовсе не о романтических переживаниях, а о следах биомассы, оставленной на платье отчаянной девушки.

Психическая жизнь характеризуется гигантским разнообразием, от олигофрении до высочайших проявлений гениальности. Для одних гашиш служит источником тупого, животного наслаждения, для других – возбудителем шумной радости, наконец, для третьих – катализатором богатейших, сказочных озарений. Одна и та же болезнь – к примеру, шизофрения у одних ограничивается всего лишь бредом ревности и преследования, тогда как у других, скажем, А. Стринберга – тоже содержание может достичь необычайно богатого содержания. Но и гениальность нередко сочетается с психическим отклонением, с неспособностью к рассудочной логике. Вот что пишет о немецком поэте Гёльдерлине писатель Стефан Цвейг: «Недисциплинированный, склонный к скачкам, неметодичный дух, пифическая мудрость которого основывалась на интуиции, на откровении, никогда не мог овладеть системой, то есть архитектурно связанными, логически сцепленными рядами мыслей. Его несосредоточенный, легко воспламеняющийся, восторженный дух мог вспыхнуть от каждой искры, попавшей в бочку его вдохновения» (Цвейг, 1956: 159).

Как понять это невероятное многообразие человеческого поведения? Рождались различные характеристики, фиксировались различные свойства людей. Но было подмечено, что при всей невероятной пестроте нравов, поступков, реакций, можно видеть, что есть и сходное поведение. Так, появились первые попытки классифицировать поведение людей, их внутренний, субъективный мир. В наши дни типологий много. Люди непохожи друг на друга, но как их классифицировать, различать или объединять по сходным признакам. Поиск надежного критерия важен, но отыскать его трудно.

Некоторые из этих подходов житейски наивны, легкомысленны. Вспоминается история с известной актрисой А. Яблочкиной. Когда ей

сообщили, что такой–то актер женился, она спросила:

– На актрисе женился или из публики взял?

Можно, разумеется, посмеяться, но ведь тоже своего рода классификация. Советский писатель Юрий Олеша делил все человечество на две неравные части – на тех, кто учился с ним в одесской школе и на тех, кому сильно не повезло в этом вопросе.

Да, по–разному можно классифицировать людей. Один, к примеру, войдя в аудиторию, произносит: «Боже мой, какие люди!». Другой, напротив, самовлюблен, говорит, ценя свое появление: «А вот и я!».

В течение многих веков исследователи старались видеть в человеке некий идеальный образ. Они обращали внимание на возможности человеческого разума, на многообразие его эмоционального мира личности, на благородство и нравственность человека. Проблема представлялась философам предельно ясной: нет на земле существа, которое могло бы сравниться с адамовым потомком. Так полагают все: от Сократа до технократа (т. е. современного техника и технолога). Мы уже устали повторять, что каждый человек самобытен, неповторим. Писатель Андрей Платонов уточнял: «человек невозвратен». Перелистываю страницы философских антологий. Какие безупречные комплименты — «человек разумный», «венец природы», «политическое животное», «мыслящий тростник», «человек сведущий»... Мудрецы словно состязаются в том, чтобы ухватить и выразить главенствующий штрих человеческой незаурядности.

Впрочем, нет. Вот чьи–то строчки, облитые скепсисом. Это мучается Гамлет. Но что он там произносит? «Какое чудо человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса Вселенной! Венец всего живущего!» Но это не прославление, это разочарование. Принц знает, какие низкие и подлые люди ступают по датской земле. Вероятно, именно с эпохи Возрождения теневых сторон начинается постижение теневых сторон человеческой природы.

Постепенно идеальный образ человека в истории философии и психологии стал размываться. По мнению одного из самых выдающихся историков художественной практики Х. Зедльмайра (1896–1984), «умаление человека впервые приобрело вопиющие формы сначала в искусстве, хотя в более или менее скрытом виде оно проявляется и в других формах, связанных с иными областями. Наиболее ужасающие умаления человека явились в XX веке, и конец им, видимо, еще не наступил. Но в своих отдельных впечатляющих формах данный подход действует уже издавна» (Зедльмайр, 2008: 157).

Чем же вызвано разочарование в человеке? Было бы наивно приписывать эту тенденцию безответственным художникам и писателям. Появление художественных стилей (авангарда, сюрреализма) не было случайным событием. «Отрицание человеческого образа», по мнению Н. А. Бердяева, результат не только особой исторической практики прошлого столетия, но и многих научных открытий, связанных прямо или косвенно с этой практикой. В революциях, – отмечал он, – льется кровь, но еще больше крови льется в войнах. Именно война раскрепощает низшие инстинкты человека – жестокость, кровожадность, насилие, грабеж, растление, волю к могуществу. «Человек есть больное существо, – писал Н. А. Бердяев, – и потому самые большие психологические открытия сделала психопатология. Он легко склоняется то к мании преследования, то к мании величия. Обе мании так связаны между собой, что человек, одержимый манией преследования, легко начинает преследовать других» (Бердяев, 1999: 109).

С появлением психоанализа открылась реальная возможность для более глубокого постижения человека. Никто до Фрейда (1856–1939) не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной степени определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике – существование которого отрицалось рационалистами, – но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Фрейд в числе первых, уже в 1914 году, вскрыл поразительное «крушение иллюзий», отрицание всех ограничений, которым подчиняются в мирное время. «Слепое бешенство», гнездящееся в подсознании наших цивилизаций, показал он, – опрокидывает все, что встает на его пути, будто после него нет ни будущего, ни мира.

В те годы изобретатель психоанализа принимается вычислять загадочное «стремление к смерти». Оно вырисовывается потихоньку, по ту сторону принципа наслаждения, свиваясь и клубясь под шумным воркованием и лукавыми проделками Эроса. Однако после 1918 года и особенно после 1945 года, романтический образ человека стал невообразимым, а идея человечности обрела двусмысленность. В мрачной тени планетарных курганов из мертвых тел возникают предварительные вопросы: что бесчеловечно в человеке? Что заставляет отчаиваться? Отчего человек становится олицетворением разрушительных сил? Эти вопросы требовали ответа, но сегодня обретает особую актуальность в связи с развертыванием огромного потенциала ненависти.

«Крушение иллюзий» Фрейда можно рассматривать и как разочарование, и как внезапное прозрение. Ужасные испытания вырывают

людей из обманчивых убежищ, выхватывают из шоколадно–розовых снов. Обнаруживается трагически-жестокий урок реальности. И все же Фрейд не удалось осознать полную меру падения человека. Американский психоаналитик Э. Фромм отмечает, что основатель психоанализа был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные его границы. «Эти границы не позволили ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни» (Фромм, 2004: 30).

По мнению Н. А. Бердяева, уже человек Нового времени добился отрицания своего образа. Но идеальный образ человека исчез, по его словам, в сознании XIX–XX веков. Мы можем к этому добавить, что трактовки человеческой природы в начале нашего столетия показались бы русскому философу полным безумием. Постмодернизм создает апофатический (отрицательный) образ человека, настаивая на том, что гуманистическая новоевропейская традиция давным-давно себя скомпрометировала. «Весь пафос постмодернизма направил на то, чтобы человек осознал свои слабости, перестал страдать от своего несоответствия идеальному образу...» (Алейник, 2009: 31–32).

Но суть дела не только в дегероизации человека, а в том, что человек как особый род сущего перестает интересовать философов и психологов. Он утрачивает самого себя. Отчего исчезает человеческое тело? Почему оно, лишившись первоначально органов, затем мутировало настолько, что возник эффект деантропологизации человека. Иначе говоря, потомок Адама растворился среди вещей и автоматов. Он не только утратил идентичность. Он совсем постепенно сошел на нет. Умер как антропологическая данность. Все о чем, веками писали философы, обратившиеся к постижению человека, природа человека, целостность его, самотождественность, историчность – постепенно теряет смысл. «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек – лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек – вид исчезающий» (Смирнов, 2003).

В принципе исчезновение того или иного биологического вида на Земле – небольшая новость. Однако вряд ли мамонты и троглодиты предвидели для себя такую радостную перспективу. Если бы они догадывались о своей печальной участи, то, наверное, не стали бы философствовать на эту тему. А уж тем более не подражали бы нынешним мыслителям, которые, по остроумному выражению В. А. Кутырева, готовы петь и плясать на собственных похоронах (Кутырев, 2006: 65).

Итак, человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования. Дебиологизация человека как феномен обнаруживает себя не только в трансмутации собственно биологического субстрата, но и замене самой телесной протяженности человеческого существования на другие, зачастую симуляционные то есть призрачные, реальности. Образ человека становится фиктивным, условным, фантомным. Не случайно ревизии подвергаются классические выводы философской антропологии за последние два века ее развития.

Стойкая человеческая природа, невосприимчивая к пересотворениям... (Так думали многие философские антропологи) Но чем речь, когда не фантасты, а ученые-биологи толкуют о том, как перекрыть человеческую органику? Почему сексуальные и выделительные функции в человеческом организме выполняют одни и те же органы? Разделить. Поместить гениталии в район под мышек, и наделить способностью выдвигаться и прятаться. Долой постороннюю внутреннюю секрецию. Найдем смазку без пота, спермы и других продуктов человеческой жизнедеятельности!

Человеку, мол, в силу эволюции положена вытянутая шея и длинные конечности. Глаз один, циклопический и мелкие-мелкие зубы. Всевидящее око, разумеется, предпочтительнее, чем широко расставленные очи. А то, что природа предусмотрела резерв на всякий случай, – это неважно. Не стоит заикливаться и на том, что зрение бинокулярное, объемное, помогает определить расстояние до зрительного объекта. Это все легко исправить и наделить этими качествами единственный глаз. Это относительно биологической эволюции. Но ведь ее замещает генное и техническое конструирование. Тогда причем тут зубы и шея? Техноид может вообще не располагать человеческими признаками. Он может иметь подобие аппарата. Кто сказал, что за образец следует взять человеческое тело? На этой, пока еще предварительной стадии сердце можно заменить пламенным мотором, а конечности стальными руками–крыльями. Мозг можно подверстать системой чипов, нервную систему уподобить тонкому волокну. Но зачем же сохранять волю господню? В арсенале – сотни таких лекал, которые позволяют забыть о ребре Адама.

Целостность человека как некое антропологическое свойство? Устарело. Человек (антропоид, техноид, гуманоид) в силу базовой потребности в разнообразии согласится на раздробленность, которая сулит гипертрофию какого-нибудь качества. Потомок Адама превратится в деталь сконструированного суперорганизма, наподобие пчелиного улья или сообщества муравьев. Маячит перспектива уникальной специализации индивида. Вот, к примеру, среди мурашей есть «скотоводы»,

приспособившиеся «дойти» тлей, получая от каждой капельку растительной сладости, есть «огородники», приносящие в муравейник вырезанные словно по выкройке, кусочки древесных листьев. Муравьи-хищники тащат в дом пищу мясную – кишачих в траве насекомых или кусочки плоти более крупных животных. Муравьев-«жнецов» интересуют зерна растений. А есть сообщества воришек, живущих за счет грабежа чужих муравейников (Песков, 2008: 65). Разве не замечательно внести специализацию и в человеческое скопище.

Американский исследователь Кевин Келли в книге «Вне контроля» (2008) в качестве образца «суперорганизма» рассматривает пчелиный рой. Но, толкуя о союзе солнцедных существ и нефтеядных машин, автор держит курс уже не столько на необиологическую цивилизацию, сколько на новые, нераспознанные пока до конца формы реальной и виртуальной жизни. Философско-антропологическая литература оказалась заложницей массы новейших сюжетов. Дальнейшая эволюция пойдет разными путями. Не человек, а человекообразные. Исследование стволовых клеток и попыток клонирования. Изучение логики биоса и мозга машины (см.: Гуревич, 2008: 29–44). Биоинженерия и бионическая конвергенция. Вивисистемы и нанотехнологии. Роевые сети и развоплощенный интеллект. Классические антропологические темы исчезают даже в качестве базы рефлексии о человеке.

Идентичность как способ сохранения самотождественности? Анахронизм. Зачем техноиду мучиться в поисках личностного ядра. Способность к преобразению, к утрате центричности, принципиальное отсутствие стержня, удерживающего подобие. Авантюра вечной трансформации. Переход от некто к нечто и наоборот. Кое-что, подлежащее демонтажу и произвольной сборке (Совсем, как в песенной строчке: «Я тебя слепила из того, что было...»). Условное обозначение под названием тела, приговоренное к вечному распаду, расчленению и произвольному монтажу. Расчеловечивание человека. Отсутствие не только меры идентичности, но и приблизительного самоопределения.

Персонаж истории, выпавший из ее лона. Человек перестает быть творцом истории. Он принципиально не участвует в ее битвах, поскольку живет в условном пространстве и безразличен к темпоральным сдвигам. Он утратил протяженность живого тела, поскольку имеет возможность существовать в роли всадника без головы, с множеством голов и даже с неким иным венцом, завершающим его сингулярный облик.

Может быть, отказаться от постижения человеческой природы? Отвлечься от специфически человеческих качеств и перейти к регистрации техноидных особенностей человека? Напротив, именно постижение «сугубо

человеческого» может противостоять грозящему исчезновению человека. Потомок Адама интересен, прежде всего, неисчерпаемостью своего психологического мира, духовностью, неповторимостью характеров и образов. Об этом шла речь в моей книге «Психология личности» (Гуревич, 2009). В ходе работы над предыдущим исследованием появилась возможность раскрыть то богатство человеческих характеров, которые изучены психоанализом. В качестве образца автор взял райхианскую характерологию и юнгианскую типологию. Они имеют разные основания, но позволяют выявить особенности индивидуального и социального поведения людей. Психоанализ позволил не только раскрыть изнанку человеческой природы. Он дал ценный инструментарий для создания характерологий и типологий человека.

В современной психологии нет ясного различения этих понятий. Создается впечатление, что речь идет об одном и том же. Однако можно провести различие. Характер, по нашему определению, это стойкая структура чувств. Данное понятие не выражает все полноты человеческой личности. Это частичная характеристика индивида, фиксация в ней определенной части психического мира. Какую часть внутреннего мира человека не схватывает понятие характера? Отвечаем: спонтанность. Определяя характер, мы видим в индивиде две психических инстанции. Одна называется *спонтанность* и выражает непредсказуемость, произвольность, неожиданность наших поступков. Татьяна Ларина продолжает любить Онегина («Я вас люблю, к чему лукавить»), но отказывается от его притязаний. Она поступает неожиданно даже для Пушкина, который задумал этот образ. Этот поступок можно рассматривать как выражение внутреннего личностного ядра. Считать Татьяну провинциальной простушкой, которая «влюблялась в обманы», поскольку ей рано нравились романы, это означает трактовать роман Пушкина как законченное произведение «массовой культуры». Деревенская девушка сдуру влюбилась в заезжего аристократа, но, хорошо устроившись в Москве благодаря счастливому браку, отвергла с гордостью хлыща, который в юности («я тогда моложе...») не сумел оценить ее. В этом месте любители Руссо и Ричардсона заливаются слезами. Бразильское мыло может отдыхать.

Смею предположить, что у Пушкина получился обаятельный женский образ, обладающий очарованием не только благодаря своему простодушию, экзальтированности и немотивированной истеричности. Каждая личность совершает поступки, которые кажутся нелогичными, неожиданными. Если поступки человека предсказуемы, значит мы имеем дело с невротическими, ожидаемыми реакциями. Это и есть характер. По логике своей психической структуры Татьяна должна была в финале романа остаться верной романам

Ричардсона и Руссо с их счастливыми завершениями. Ведь романы Ричардсона – это рассказы о вечной и ответной любви. А тут совсем другое.

Понятие характера в основном связано именно с невротическим поведением. Если носитель той или иной психологической структуры поступает непредсказуемо, скажем, мазохист перестает получать удовольствие от боли и унижения – это означает, что происходит разрушение характера. Если истерическая женщина отказывается от сексуализированного поведения – это свидетельствует о том же. Спонтанность и характер – это антиподы. В процессе терапевтической работы аналитик стремится расширить зону спонтанности и обуздать пространство характера. Можно заранее предсказать, как поведет себя носитель той или иной невротической структуры в той или иной ситуации. Истерическая женщина, придя в новый коллектив, станет бессознательно использовать тактику «соблазнения». Индивид оральной структуры в ситуации, когда надо принять жесткое решение, постарается выкрикнуть что-то вроде: «Ребята, давайте жить дружно». Анальный человек проявит жадность или параноидальное стремление к порядку. Все, что несовместимо со стойкой структурой чувств, с заданностью характера, будет свидетельствовать об отступлении от специфического паттерна поведения.

В отечественной психологии характер (греч. *charakter* – особенность, отличительная черта) – определяется как совокупность общественных и индивидуально своеобразных особенностей личности, влияющих на поведение и поступки человека (Леонтьев, Никишов, 2007: 726–732).

Почему такое определение представляется мне неудовлетворительным? Потому что под такое определение можно подверстать любой человеческий поступок. Мечтательная Татьяна Ларина обладает своеобразными качествами – восторженность, мечтательность, экзальтированность. Эти особенности ее личности повлияли на ее поведение – она первая объяснилась в любви Онегину. Это характер? Татьяна Ларина, узнав о том, что Онегин ее по-прежнему любит, и что ее чувства неизменны, отказала Онегину, обнаружив другие стороны своей личности (зрелость, богатый внутренний мир, знание психологии других людей, верность). Это тоже характер? Или уже два разных характера в одном человеке?

Может быть, стоит высказать такое предположение. Не каждая своеобразная черта человека должна рассматриваться как выражение характера или тем более как обозначение невротической структуры индивида. Представим себе такую ситуацию, в которой действуют два человека. Один из них я, а другой – мой друг и коллега. Мы едем на трамвайчике, который называется «Аннушка». Нам нужно выйти на станции «Пятницкая». Окна трамвая украшены морозными узорами – ничего не

видно. Вдруг я говорю своему коллеге: «Мы заговорились и давно уже проехали нашу станцию». А мой визави отвечает: «Что вы, Павел Семенович, нам еще ехать и ехать...». Я протираю варежкой окно и вижу, что мы на станции Пятницкая.

Итак, две противоположных реакции – тревожно-мнительная и беспечно-беззаботная. Это характеры? Полагаю, что нет, потому что эта своеобразная индивидуальная особенность, не создающая еще специфический характер. Частность, которая пока не получила гештальтной завершенности. Обычно беспечный человек может поддаться страху, тревожно-мнительный человек способен проявить выдержку и хладнокровие. Так что это? Г. Олпорт называл такие характеристики «тритами», то есть чертами. Речь идет о некоторых особенностях человека, которые являются атомарными слагаемыми человеческого поведения, некоей элементарной единицей внутреннего мира человека.

Психологические черты выражают способность индивида приспособиться к реальности своеобразным путем. Психопатии вообще не мешают этой адаптации. Пытаясь обозначить психопатии, О. В. Корбиков выделяет три критерия, позволяющие определить этот феномен в отличие от психологической черты. Последняя экземплярна, единична, психопатия, напротив, представляет собой некую тотальность. Далее психологические черты меняются, обнаруживают некую гибкость. Патологические особенности индивида стабильны. Психологические черты позволяют приспособиться к окружающей среде, акцентуации, напротив, мешают этой адаптации, противостоят ей. Психологические черты, в-третьих, не принимают гиперболического облика. Если моя мнительность становится преувеличенной, это уже психопатическая реакция. В относительной норме моя личностная тревожность не подлежит «лечению», «коррекции». Это просто-напросто выражает мою индивидуальность и все. Психопатия же в отличие от психологической черты превращается уже в нечто кричащее, преувеличенное настолько, что окружающий мир рассматривает ее как радикальное нарушение нормы, не позволяющее приспособиться к действительности.

Психологические черты индивида проступают уже в детстве. Застенчивый ребенок, упрямец, лидер, садист, тихоня, плакса. Всегда есть надежда, что эти черты как-то сгладятся с возрастом. Нередко это и происходит на самом деле. Однако акцентуации в отличие от психологических черт более универсально определяют поведение человека. Подросток, захваченный психопатией, обнаруживает свои особенности в семье и школе, со сверстниками и со старшими, в учении и во время отдыха, в труде и в развлечениях, в житейской повседневности и в чрезвычайных

ситуациях. Как отмечает Е. Личко, гипертимный подросток всегда и всюду кипит энергией, шизоидная индивидуальность отворачивается от окружения незримой сетью, а истероид жаждет изо всех сил привлечь к себе внимание.

Если у ребенка обнаруживаются противоречивые психологические черты, иначе говоря, он может вести себя по-разному. Тиран в домашней обстановке и послушный ученик в школе, конформист в группе и нонконформист по отношению к школьной обстановке, тихоня, который столкнулся с внешним диктатом и разнузданный драчун в обстановке, где ему позволяют вести так отчаянно, изгой в кругу собственной семьи и признанный лидер в интернате, – все это не относится к акцентуациям, не является выражением психопатии. Это, скорее всего, психологические черты, взятые в своей реальной противоречивости.

Подведем итоги. Акцентуации стабильны. Всякого рода преобразования индивидуальности в подростковом возрасте выражают не психопатии, а индивидуальные специфические черты. Жизнерадостный, общительный и неугомонный ребенок неожиданно становится угрюмым, замкнутым. Ласковый, склонный к нежностям подросток оказывается вдруг жестоким, холодно–расчетливым юношей. Всегда покорный послушный ребенок неожиданно обнаруживает в себе черты лидера, настойчивость в достижении цели и готовность использовать других людей в качестве средства. По мнению Е. Личко, как бы ни казались нам подозрительными, тревожными эти превращения, они лежат за рамками психопатии.

Итак, характер и тип – не одно и то же. Изучение характера лучше всего начать с выявления психологических черт. В психоанализе сложилась возможность различать меру погружения индивида в невроз, психоз или анализировать акцентуации, которая выражает предельное состояние нормы.

Список литературы

- Алейник, Р. М. (2009) Постмодернизм и социально–гуманитарное знание. М.
- Бердяев, Н. А. (1999) О человеке, его свободе и духовности. Избранные труды / сост. Л. И. Новикова и И. М. Сиземская. М.
- Гуревич, П. С. (2008) Логика биоса и мозг машины // Философия и культура. – № 8. – С. 29–44.
- Гуревич, П. С. (2009) Психология личности. М.
- Гуревич, П. С. (2007) Психология чрезвычайных ситуаций. М.
- Зедльмайр, Х. (2008) Утрата середины. М.
- Кутырев, В. А. (2006) Философский образ нашего времени. (Безжизненные миры постчеловечества). Смоленск.
- Леонтьев, Д. А., Никишов А. К. (2007) Характер // Психологический словарь / под общей научн. ред. П.С. Гуревича. М.

- Песков, В. (2008) Новоселье мурашей // Комсомольская правда. – 24–31 июля.
- Смирнов, С. А. (2003) Современная антропология. Аналитический обзор // Человек. – № 5.
- Фромм, Э. (2004) Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.
- Цвейг, С. (1956) Собр. соч.: В 12 т. Т. 6. М.